

Перед глазами всё поплыло, он едва не рухнул на пол, но Шэнь Ланьшу среагировал мгновенно, подхватив его. Вместе с дворецким они уложили старика в кровать и дали лекарство. Увидев, что к лицу возвращается румянец, Шэнь Ланьшу вздохнул:

— Дедушка, вы не сердитесь на меня?

Старейшина Шэнь покачал головой.

Он поманил к себе Цзян Цинъяня:

— Малыш, не бери в голову то, что случилось сегодня вечером. Второй внук ополчился не на тебя, он...

Старик снова покачал головой, не желая продолжать, и сменил тему:

— Ланьшу — хороший парень. Когда он привез тебя в прошлый раз, то сказал, что хочет быть с тобой. Я боялся обидеть твоего деда, поэтому поначалу не хотел соглашаться, но он встал на колени и умолял меня дать вам благословение. Этот ребенок с детства был с твердым характером, и если он чего-то не хочет, то даже под дулом пистолета не склонит головы, но ради тебя он добровольно встал на колени. В тот момент я понял, что мне суждено подвести твоего деда.

— Дедушка Шэнь...

Цзян Цинъянь протянул руку, сжал холодную ладонь старика и попытался успокоить его:

— Мое влечение к мужчинам врожденное, мой дед об этом знал.

— Старик Цзян знал?

Старейшина Шэнь замер. Вспомнив последнюю встречу, когда тот отказался от помолвки, он внезапно все понял, и чувство вины в его сердце немного утихло:

— Ах, старый хрыч... Ну конечно, вот оно что...

Цзян Цинъянь не совсем понял, что тот имел в виду.

Старик не стал объяснять, лишь устало махнул рукой:

— Ступай, отдохни.

Они попрощались и, выйдя из главного корпуса, направились в восточное крыло.

Проходя через двор, они наткнулись на троицу, собравшуюся покурить. Стоило им увидеть Шэнь Ланьшу, как они, словно мыши, заведя кота, испуганно пробормотали: Старший брат, старшая невестка — и тут же бросились наутек. Шэнь Ланьшу не удостоил их даже взглядом, а вот Цзян Цинъянь кое-что вспомнил:

— Я слышал, твой второй дядя говорил, что шестой нарушил дисциплину. Что произошло?

— Шестой взял своих товарищей... — он внезапно осекся, глухо усмехнулся, и мрачная тень на его лице рассеялась. Он сменил тон: — Эта история долгая. Может, я расскажу тебе подробно, когда мы вернемся домой?

— Тогда излагай кратко, — Цзян Цинъянь не поддался на уловку.

Шэнь Ланьшу с сожалением вздохнул, перенес коляску через порог на террасу, выложенную серой плиткой, а как только они оказались в его покоях, неожиданно подхватил Цзян Цинъяня на руки и усадил в массивное кресло тайши у окна, прижавшись к нему следом.

Лунный свет просачивался сквозь окно.

Не зажигая ламп, он обнял его в серебристом сиянии и рассказал, почему второй дядя устроил сегодня такой скандал.

Шестого задержали в клубе из-за того, что у него не хватило денег расплатиться. Менеджер, знавший, кто он такой, хотел записать счет на долг, но тот, окончательно одуревший от спиртного, уперся и требовал, чтобы кто-нибудь приехал и оплатил счет. Он звонил второму, третьему и четвертому братьям, но у тех самих денег было в обрез, и никто не хотел выступать в роли спонсора. Один перекладывал ответственность на другого, а второй, находившийся в другом городе, вообще сделал вид, что ничего не видел.

В итоге никто не приехал, и протрезвевший Шестой позвонил Шэнь Ланьшу.

В тот момент Шэнь Ланьшу был занят с Цзян Цинъянем и не обратил внимания, поэтому в конце концов Шестой, скрипя зубами, связался с Шэнь Цзянмянь.

Она была человеком принципиальным.

Поведение Шестого явно нарушало ее правила, поэтому, вытащив его из клуба, она позвонила Шэнь Ланьшу, чтобы посоветоваться, как с ним поступить. Но прежде чем она успела дозвониться, старик столкнулся с проспиртованным Шестым.

Дед прошел через войну и не терпел подобного. Почувяв запах алкоголя и узнав, что внук нарушил военную дисциплину, он пришел в такую ярость, что решил применить семейное наказание.

В клане Шэнь их было немало.

Одно из них — публичная порка солью: нужно было взять три тонкие бамбуковые палки, снять с провинившегося верхнюю одежду и пороть до тех пор, пока палки не сломаются. С тех пор как родились внуки, старик почти не прибегал к таким мерам, даже когда Шэнь Ланьшу уволился со службы, дед лишь гонялся за ним с палкой, но не был так разгневан.

Узнав, что старик все выяснил, Шэнь Цзянмянь поспешила вызвать вторую и третью ветви семьи, а также родителей, чтобы те попытались его урезонить.

Но старик был в ярости, да и остальным требовалось время, чтобы добраться.

К тому моменту, как все прибыли, Шестой уже сломал две бамбуковые палки, сорвал голос от криков и был весь в крови. Шэнь Пинчжоу взорвался на месте, и именно поэтому, когда пришел Цзян Цинъянь, он выплеснул весь свой гнев на старшую ветвь.

— ...Он, вероятно, решил, что Цзянмянь намеренно привезла проспиртованного Шестого в усадьбу.

Услышав это, Цзян Цинъянь приподнялся и задумчиво посмотрел на сидящего рядом человека.

Лунный свет, льющийся из окна, делил его красивое лицо надвое. Он опустил веки, и невозможно было понять, что у него на душе, но Цзян Цинъянь казалось, что этот ленивец еще тогда, когда урезал им карманные расходы, предвидел сегодняшний исход.

Но если разобраться, корни проблемы уходили к тем четверем братьям. Если бы той ночью они не захотели придирааться к нему, Шэнь Ланьшу не стал бы их наказывать. Если бы вчера хоть кто-то из них приехал, когда Шестой звонил, последствий бы не было.

Какая фальшивая братская любовь!

Цзян Цинъянь тихо цокнул языком и расслабился, собираясь лечь обратно, но рука Шэнь Ланьшу плавно скользнула в его короткие волосы, прижимая затылок к себе.

— Не будем больше о тех неблагодарных... — дыхание Шэнь Ланьшу участилось. Он притянул его голову ближе, и в глубине его темных глаз вспыхнул жар: — Цинъянь, я хочу...

— Не хочешь! — Цзян Цинъянь и без слов понял, о чем он мечтает.

Глухой смешок вырвался из груди Шэнь Ланьшу. Его холодные брови изогнулись, в глазах отразились звезды ночного неба, и в них промелькнула нежность. Цзян Цинъянь прижал палец к его губам, ничуть не поддавшись его обаянию:

— Сегодня ты либо спишь в этом кресле, либо сейчас же отправляешь меня в комнату, которую подготовил дедушка Шэнь.

— Уже так поздно... — проговорил Шэнь Ланьшу, внезапно переворачиваясь и нависая сверху. Его голос стал низким: — Переезжать туда-сюда неудобно, как насчет того, чтобы начать с завтрашнего дня?

Никак!

Цзян Цинъянь с трудом смотрел на человека, нависшего над ним. Его лицо, разделенное светом и тенью, выглядело то поникшим, то загадочным, и Цзян Цинъянь чувствовал, что тот снова замысливает что-то недоброе.

Он изо всех сил оттолкнул его лицо и предупредил:

— Если рискнешь сунуться ко мне ночью, я добавлю еще месяц к твоему наказанию.

— ... — Шэнь Ланьшу, словно не желая сдаваться, приоткрыл рот и прикусил палец, который упирался ему в губы, слегка пожевал его, чтобы утолить жажду, а затем слез с кресла и, подхватив Цзян Цинъяня на руки, понес его в ванную.

— Цинъянь, мы ведь по-прежнему братья, верно?

В шумном аэропорту Киото худощавый Цзи Синье смотрел сверху вниз на сидящего в инвалидном кресле юношу. На нем была все та же белая рубашка, но в одном и том же человеке словно уживались два разных мира.

Первый был холодным и отчужденным, но лишь с ним одним он был теплым.

Второй — с лицом, прекрасным, как на картине, но с отстраненной и вежливой улыбкой.

Он превратился из единственного близкого человека в постороннего.

Цзи Синье отвел глаза, чтобы скрыть наворачивающиеся слезы, и задал этот вопрос.

— Конечно, — ответил Цзян Цинъянь.

— Вот и хорошо, — Цзи Синье с детства привык приседать, когда разговаривал с Цзян Цинъянем, но в этот раз он не только не присел, но и вовсе отвернулся. — Я уже счастлив, что ты приехал проводить меня. На этом и закончим. Будет время — я приеду навестить тебя, а если соскучишься по дому... — его голос дрогнул, — мы всегда будем ждать тебя.

— Подожди.

Цзян Цинъянь достал из кармана карту и передал ее Шэнь Ланьшу, стоявшему рядом. Затем, глядя в спину уходящему Цзи Синье, произнес:

— Когда я уезжал, тетушка Цзи сунула мне карту. Я не смог отказаться, так что возьми ее с собой, передай ей и скажи, что у меня в Киото все хорошо.

Надежда в глазах Цзи Синье окончательно погасла.

Он забрал карту у Шэнь Ланьшу и, не оглядываясь, поспешно зашагал прочь.

Цзи Синье пришел с надеждой, а ушел с разочарованием.

Цзян Цинъянь проводил взглядом его фигуру, растворяющуюся в толпе, и только покачал головой, как над головой раздался слегка ревнивый голос Шэнь Ланьшу:

— Человек уже скрылся из виду, может, пойдем?

<http://bllate.org/book/19897/1958737>